

ХЕЙТИНГ КАК ВИД КИБЕРАГРЕССИИ. СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ХЕЙТЕРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Каменева Вероника Александровна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Морозова Ирина Станиславовна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Рабкина Надежда Владимировна

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация

В работе рассмотрен хейтинг как вид агрессии в киберкоммуникации. Определена специфика, отличающая его от других форм киберагрессии. Очерчены основные актуальные направления исследований хейтинга отечественными и зарубежными учеными. Выделены малоизученные аспекты данного научного объекта, например «racial hate». Систематизированы данные о характерных чертах хейтинга, включающие объект киберагрессии, цели хейтеров, триггеры хейтинга. В работе даны уточненные трактовки понятий «хейтинг» и «хейтер». Важная задача исследования заключалась в выявлении стереотипного представления о хейтере в языковом сознании студентов российских вузов. На основании данных, полученных в ходе цепного ассоциативного эксперимента, выявлены стереотипные черты хейтера в языковом сознании студентов. Материалом исследования стали реакции 537 российских студентов, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Генеральная совокупность исследования формировалась путем онлайн-анкетирования. Группировка полученных реакций по семантическим группам, составление ассоциативного поля, семантический анализ структур семантических групп признаков, характеризующих слово-стимул «хейтер», осуществлялись при помощи семантического анализа. Слова-реакции дополнительно были проанализированы по методу семантического гештальта. Сделан вывод о сложившемся образе-стереотипе хейтера: это неуверенный в себе завистливый человек А, злой, плохой, не очень умный и не совсем психологически здоровый, который ненавидит человека Б (как правило, публичную личность) и завидует ему, так как желает человеку Б зла и видит в нем своего противника, и свою ненависть и зависть он выражает в интернет-комментариях, полных ненависти, зависти, агрессии и негатива, в основной своей массе необоснованных.

Ключевые слова: киберагрессия, киберкоммуникация, хейтинг, моделирование, ассоциативный эксперимент, языковое сознание, стереотип

1. Введение

Смена реального пространства коммуникации на виртуальное привела к возникновению новой коммуникативной реальности с пока еще неустоявшимися социальными, правовыми и лингвистическими характеристиками. С одной стороны, новые формы коммуникации в виртуальном пространстве обусловлены новыми техническими воз-

возможностями взаимодействия коммуникантов (анонимность, синхронно-диахронность, неограниченность аудитории и др.), с другой – определенными юридическими ограничениями и правилами, необходимыми для предотвращения случаев вербальной агрессии в виртуальном пространстве, разжигания розни, подстрекательства к противоправным действиям и т. д., но ограничивающими права личности на свободу слова. В период формирования лингвистических и экстралингвистических аспектов киберкоммуникации остро встает вопрос об изучении агрессии в киберкоммуникации и формировании методологии ее исследования. Следовательно, необходимо точное определение киберагрессии и описание ее видов с целью их однозначной дифференциации. Кроме того, актуальным, теоретически значимым и практически ценным представляется изучение образа инициатора того или иного вида киберагрессии в языковом сознании реципиентов. Изучение стереотипного, усеченного образа инициатора определенного вида киберагрессии в лингво-когнитивном ракурсе позволит внести определенный вклад в совершенствование теории киберкоммуникации и когнитивной лингвистики.

Целью статьи является обособление хейтинга от других видов агрессии и определение стереотипного представления об инициаторе хейтинга в языковом сознании российских студентов.

Для достижения цели решаются следующие задачи: анализ киберагрессии как сложного феномена, включающего различные виды агрессивной коммуникации; дифференциация хейтинга от других форм киберагрессии; описание характерных черт хейтинга, включая объект киберагрессии, цели хейтеров и триггеры хейтинга; создание генеральной совокупности исследования для определения стереотипного представления об инициаторе хейтинга в языковом сознании российских студентов путем онлайн-анкетирования; группировка полученных реакций по семантическим группам (зонам); составление ассоциативного поля; количественный и семантический анализ структур семантических групп (зон) признаков, характеризующих слово-стимул «хейтер»; моделирование стереотипного образа хейтера у российских студентов с учетом его содержания, структуры и выраженности.

2. Материал и методы

Сбор эмпирического материала был осуществлен в сентябре 2021 года на базе Кемеровского государственного университета (КемГУ). Респондентами выступили 537 студентов в возрасте 19–22 лет: 358 (66,7%) девушек, 179 (33,3%) юношей. Информанты вносили ответы в предложенную им онлайн-таблицу. Материал включал задание, инструкцию по заполнению и таблицу для внесения ответов. Респондентам было предложено записать ассоциации к слову «хейтер».

Основным методом сбора фактологического материала стал ассоциативный эксперимент – методика изучения стереотипов, имеющая ряд преимуществ по сравнению с другими методиками психолингвистики, так как с ее помощью можно исследовать не только то, как стереотипы передают социальную действительность, но и субъективную систему связей, существующую между компонентами одного стереотипа [Адамова 2005: 88]. Ассоциативный эксперимент выступает источником данных для реконструкции определенного фрагмента картины мира, отраженного в обыденном языковом сознании, а также позволяет отследить соответствующие стереотипы в диахронии [Горошко 2001: 8]. В настоящее время ассоциативный эксперимент активно используется для исследования различных социально и культурно значимых стереоти-

пов: гендерных, этнических, расовых, религиозных и других [Жарникова 2016; Тарасенко, Красноперова 2018].

Из существующих классификаций ассоциативных экспериментов наиболее известен вариант, разработанный Е.И. Горошко, которая подразделяет анализ языкового сознания по способу подачи слова-стимула и фиксации слов-реакций, выделяя свободный, направленный и цепной. Свободный ассоциативный эксперимент предполагает следующую последовательность действий: испытуемому предъявляют некое слово-стимул, и он должен ответить на него первым словом, которое пришло ему в голову, без каких-либо ограничений в семантике, стиле и т. д. В ходе направленного ассоциативного эксперимента выбор слова-реакции ограничен какими-то условиями, например принадлежностью к определенной части речи [Горошко 2005: 53–54]. Цепной ассоциативный эксперимент позволяет испытуемому приводить любое количество слов-реакций, формальные и семантические особенности которых ничем не ограничены [Горошко 2005]. В данном исследовании проводился цепной ассоциативный эксперимент.

Для структурирования и интерпретации полученных данных применялись семантический анализ, метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова и моделирование. На основании полученных реакций на слово-стимул «хейтер» было смоделировано ассоциативное поле; установлены доминирующие формы реакций; выявленные признаки изучаемого стереотипа были разбиты на семантические группы (зоны), что позволило идентифицировать содержание, структуру и выраженность стереотипных представлений у русскоязычных студентов о хейтерах; создана модель стереотипного представления о хейтерах.

Уже доказано, что языковое сознание зависит от социально значимых стереотипов. Языковые и социальные стереотипы тесно взаимосвязаны. Если кто-то имеет в обществе подчиненный статус или ему навязывается подчиненное положение, это прослеживается и в коммуникации [Cameron 1992; Lakoff 1987]. Несмотря на то, что языковое сознание – «динамичная и комплексная среда, существующая в виде разнообразных речевых построений, некое единство когнитивных, эмоциональных и языковых процессов» [Потапов 2002: 115], стереотипы устойчивы и трудно поддаются корректировке.

Под стереотипом в данной работе понимается эмоционально окрашенный схематический образ, стандартизированное, устойчивое представление о человеке или группе лиц, работающее как когнитивная схема при их восприятии.

3. Теоретические основы исследования киберагрессии

3.1. Киберагрессия как сложный феномен

По данным психологов, многие авторы комментариев зачастую не осознают свою агрессивность [Стексова 2013], так как принадлежат к конфликтно-агрессивному подтипу языковой личности, для которого естественна демонстрация негативной иллюзии по отношению к коммуникативному партнеру. Для них агрессия в виртуальном пространстве является общим эмоциональным фоном [Седов 2005] и выражает, прежде всего, отношение к миру и окружающим. Агрессивные комментарии они воспринимают как шутку, не задумываясь о негативном влиянии на психику и социальное поведение объекта подобных насмешек, которое может привести к попыткам суицида и т.д. Основная опасность киберагрессии заключается в том, что *Homo cyberus* – не просто

«цифровой отпечаток» [Плешаков 2011], некий отдельно существующий в киберпространстве цифровой двойник реальной личности: последствия киберагрессии выходят за пределы виртуальности [Монахова 2019].

Киберагрессия в большинстве случаев представляет собой целенаправленный вид языковой агрессии, выраженный посредством интернет-технологий [Grigg 2010; Lipton 2011; Smith, et al. 2008]. Языковая агрессия – «зонтиковый» термин, покрывающий все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств [Апресян 2003]; в разных исследованиях ее обозначают как речевую, словесную или вербальную агрессию, а также как языковое насилие, что, вероятно, является калькой с английского термина «verbal abuse».

М.Л. Ибарра и К.Дж. Митчелл для определения киберагрессии используют термины «online harassment» и «Internet harassment». Отмечается, что эта проблема наиболее актуальна для представителей подросткового и юношеского возраста. По мнению ученых, она напрямую связана с социальным благополучием, поскольку киберагрессорами становятся те подростки, которые имеют плохие взаимоотношения в семье и со сверстниками, употребляют психотропные вещества, нарушают закон [Ybarra, Mitchell 2004; Ybarra, Mitchell 2007].

Один из наиболее креативных синонимов киберагрессии – киберинвективность, понимаемая как полиаспектный феномен, связанный с нарушением языковых и прочих норм, функционально-семантическая категория языка в виртуальном пространстве [Зеркина, Ломакина 2015].

Итак, языковая агрессия в киберпространстве – это выраженное средствами языка негативное эмоционально-оценочное отношение к виртуальному собеседнику, идущее вразрез с общепринятыми представлениями об этике межличностной коммуникации, принимающее вид текста, перенасыщенного негативной вербально-визуальной информацией, и вызывающее у реципиента «тягостное впечатление» [Зеркина, Ломакина 2015].

В исследованиях юридической направленности зарубежные ученые выделяют три категории кибервиктимизации (cyber victimization), или киберагрессии (cyber abuse): киберхарассмент (cyber harassment), подразумевающий преследование в интернет-пространстве по принципу пола или расы; кибербуллинг (cyberbullying), основанный на преследовании по всем прочим признакам; киберсталкинг (cyber stalking), который может перерасти в физическое насилие или другие формы оффлайн-агрессии и в этом смысле является самым опасным видом киберагрессии [Lipton 2011].

Многочисленные отечественные исследования в области киберагрессии можно разделить на те, которые фокусируются собственно на агрессоре (например, интернет-сообществе «граммар-наци») [Ефремов 2016] и используемых в его рамках тактиках [Печенегова 2021], адресате (например, школьные учителя) [Пушкина и др. 2021], социальной специфике участников акта киберагрессии (например, киберсоциализация молодежи) [Таранова 2016], интернет-площадке, на которой он осуществляется (например, сайты о здоровом образе жизни) [Косова 2014], жанровой принадлежности (например, альтернативная электронная энциклопедия) [Виноградова, Федосеева 2017]) и т.д.

Выделяют разные виды киберагрессии: троллинг, флейминг, буллинг, хейтинг, киберсталкинг, астротурфинг, харассмент, очернение, имперсонация, эксклюзия, хеппислепинг, киберсуицид, стёб и т. д. Они тесно переплетены как друг с другом, так

и с различными проявлениями агрессии в реальном мире [Parti, et al. 2018], но всех их объединяет умышленность, регулярность, широкий круг участников, неравное распределение сил и интенсивное психологическое реагирование всех участников коммуникации [Филенко 2019].

3.2. Хейтинг

Актуальность исследования хейтинга в киберкоммуникации отмечается многими отечественными и зарубежными учеными. Так, А. Тонтодимамма, Ю. Нисси, А. Сарра и Л. Фонтанелла пишут о том, что «социальные сети стали местом для эмоциональных дискуссий, в результате которых часто используются оскорбительные выражения. Написание и распространение высказываний, которые разжигают ненависть, встречаются повсеместно в киберпространстве. В результате многие страны уже признали разжигание ненависти в киберпространстве серьезной проблемой, и это привело к созданию – как в Европе, так и во всем мире – ряда инициатив, направленных на определение этой проблемы и разработку эффективных мер борьбы» [Tontodimamma et al. 2021: 158].

А. Аранго, Дж. Перес и Б. Поблет отмечают технические и лингвистические сложности классификации высказываний в сети Интернет как оскорбительных при анализе больших объемов информации [Arango, et al. 2019]. В свою очередь, ряд исследователей поднимают вопрос о соотношении мер по борьбе с киберагрессией и законодательно защищенным правом человека на свободу слова. К. Бретшнайдер рассматривает данную проблему в правовом поле США [Brettschneider 2013]. Мы же считаем важным учитывать и культурную обусловленность вербальных проявлений эмоционального реагирования.

«Online hate» (онлайн-ненависть) трактуется Д. Килвингтоном как подстрекательство к насилию или актам дискриминации, разжигание ненависти к отдельному человеку или группе лиц на основании их законодательно защищаемых характеристик: расы, национальной принадлежности, вероисповедания, гендера, сексуальной ориентации, инвалидности. Игнорирование случаев разжигания онлайн-ненависти может, по мнению исследователя, привести к насильственным действиям, преступлениям на почве ненависти [Kilvington 2020: 257].

Похожее определение онлайн-ненависти дают А. Тонтодимамма, Ю. Нисси, А. Сарра и Л. Фонтанелла, рассматривая ее прежде всего в коммуникативном аспекте. Онлайн-ненависть, или язык вражды, они определяют как любое сообщение, которое унижает человека или группу лиц на основании их расы, национальной принадлежности, гендера, сексуальной ориентации и религии [Tontodimamma, et al. 2021: 157].

А.М. Блюк, Н. Фолкнерб, Э. Якубович и К. МакГартия в своих работах обращаются к разжиганию ненависти по признаку расовой принадлежности. Исследователи выделяют «racial hate», или «cyber-racism». В своем исследовании они дифференцируют групповые и индивидуальные источники киберрасизма. Согласно полученным данным, группы и отдельные лица используют различные каналы для разжигания ненависти на расовой почве. Кроме того, варьируются цели киберрасизма и коммуникационные стратегии у групп и отдельных лиц, разжигающих ненависть [Bluic, et al. 2018].

Обзор работ отечественных исследователей позволил выявить существенные отличия в трактовке понятия «Online hate». Ряд отечественных ученых полагают, что понятие «онлайн хейтинг», или «онлайн хейтерство», применимо только в случае с агрессией в киберпространстве, направленной на популярную личность. А.А. Арцер и Е.Н. Маковецкая в своей работе выделяют четыре характерные черты хейтинга:

1) объект киберагрессии – только знаменитые и популярные личности; 2) отсутствие какой бы то ни было объективной оценки в высказываниях хейтеров; 3) невозможность конструктивной беседы; 4) randomness триггеров. Хейтеры стремятся унижить жертву, внушить страх и стыд, неуверенность в себе, разрушить реальные и виртуальные социальные отношения жертвы [Арцер, Маковецкая 2020].

А.Л. Печенегова выдвигает утверждение, противоречащее точке зрения А.А. Арцера и Е.Н. Маковецкой. Она полагает, что объектом киберагрессии хейтеров можно считать обычных подростков. Исследователь рассматривает хейтинг именно как форму речевой агрессии учащихся в интернет-пространстве, при этом соглашается с утверждением о randomness триггеров [Печенегова 2020].

М.А. Андреев и Е.Н. Ткач, Г.У. Солдатова и А.Н. Ярмина рассматривают хейтинг шире: в объект хейтинга они включают не только людей, но и события или явления. Хейтинг трактуется как оскорбляющие комментарии и сообщения, критику в адрес человека или события [Андреев, Ткач 2020; Солдатова, Ярмина 2019].

Как видно из приведенного обзора научных работ отечественных и зарубежных ученых, трактовка понятия «хейтинг» существенно отличается в плане объекта киберагрессии и триггеров хейтинга.

Зарубежные исследователи трактуют хейтинг как вид киберагрессии, выражающийся в сообщениях или комментариях, которые возбуждают расовую, гендерную, национальную, социальную (классовую), религиозную ненависть и ненависть к людям с ограниченными возможностями здоровья или физическими особенностями внешности. Объектом хейтинга признаются только люди, при этом, как правило, только популярные личности.

В отечественных исследованиях доминирует трактовка хейтинга как вида агрессии в киберкоммуникации в сообщениях или комментариях, выражающих ненависть не только к собеседникам, но и к обсуждаемым явлениям. Объектом хейтинга, по мнению отечественных исследователей, может стать любой человек, а не только известная личность. Триггеры не ограничены расовой, гендерной и т.д. принадлежностью объектов хейтинга. Считается, что триггером хейтинга может послужить что угодно.

4. Результаты цепного ассоциативного эксперимента и их обсуждение

В ходе исследования было получено 506 реакций на слово-стимул «хейтер», в том числе 39 немаркированных отказов и 8 маркированных («–», XXXX, не знаю); 11 реакций, не связанных семантически со стимулом; 7 реакций, обозначающих хейтеров из своего окружения: *Олег, моя сестра, Ларин, Максим К.*

Применение количественного подсчета полученных данных и проведение семантического анализа реакций респондентов позволили идентифицировать ядерные признаки исследуемого стереотипа. Самые частотные реакции на слово-стимул «хейтер»: *ненависть, ненавистник* (131 реакция); *зависть, завистник* (67); *злой, злодей, злоба* (30); *агрессия, агрессор* (27). Данные признаки составляют ядро указанного стереотипа. Ближайшую периферию составили следующие реакции: *неуверенный в себе, неуверенность* (12); *обидчик* (12); *оскорблять, оскорбительный* (11); *критик, критика* (11). Дальняя периферия: *негатив, негативный* (10); *унижать* (9 реакций); *враг, недруг, неприятель* (9); *глупый* (6).

Полученные слова-реакции были проанализированы по методу семантического гештальта [Караулов 2000] и распределены по семантическим зонам, объединяющим

стереотипные признаки явления, обозначенного словом-стимулом. Основу для именованной семантической зоны к слову-стимулу «хейтер» составили базовые местоимения «кто», «что», «какой», «где» и «как», т.е. ассоциирующиеся со словом-стимулом лицо, предмет, признаки, действие, место и качество. Слова-реакции каждой семантической зоны были распределены в порядке убывания. В итоге получилась следующая картина ассоциативного поля.

Лицо, ассоциируемое со словом-стимулом «хейтер»: *ненавистник* (88), *человек* (68), *завистник* (54), *агрессор* (25), *недоброжелатель* (16), *обидчик* (13), *критик* (5), *неудачник* (5), *враг* (5), *киберхулиган* (4), *фанат* (4), *антифанат* (3), *провокатор* (3), *недруг* (3), *тролль* (3), *противник* (2) *обиженка* (2), *комментатор* (2), *школьник* (2), *идиот* (2), *злодей* (2), *Коля-хейтер* (2). Основная масса слов-реакций связана с эмоциями (*ненавистник, завистник*) и враждебным отношением к объекту хейтинга (*недоброжелатель, недруг, враг, противник*), а также стратегиями и тактиками соответствующего поведения (*агрессор, обидчик, критик, тролль, киберхулиган, провокатор*). Кроме того, есть слова, в семантике которых можно усмотреть попытку объяснения причины такого поведения (*обиженка, неудачник, идиот, злодей*).

Очевидно, что практически все существительные грамматически относятся к мужскому роду. Сомнительно, что этот факт можно интерпретировать как указание на биологический род среднестатистического хейтера. Слова, в семантику которых входит однозначное указание на биологический род, не так многочисленны (*школьник, петух, Коля-хейтер*). Единственное существительное женского рода (*обиженка*) вряд ли может указывать на биологический род: большой словарь русских поговорок на сайте dic.academic.ru первым значением приводит гендерно-нейтральное «обиженный человек», а вторым – «изнасилованный заключенный». И только сайт модные-слова.рф дает определение, указывающее на биологический женский род: «презрительное наименование девушки, которая пытается манипулировать чувствами своего партнера, надеясь получить желаемое». Можно предположить, что на слова-реакции так или иначе оказал влияние грамматический род слова-триггера (хейтер) или же сработал стереотип, согласно которому мужчинам присуще более агрессивное поведение, чем женщинам.

Некоторые слова-реакции указывают на роль хейтера в интернет-общении (*киберхулиган, комментатор*) или на известные прецеденты виртуального пространства, например на некогда популярный мем «Коля-хейтер». Среди однократных слов-реакций – обценная и просторечная лексика (*урод, чмо, бяка, деиёвка*), в том числе из области тюремного арго (*петух*) и молодежного сленга (*душила, гоблин*), окказионализмы (*унижатор, оскорблатор, злослов*), слова, чье значение включает в себя сему «возраст» (*сопляк, малолетки, подростки*), вошедшие в язык интернет-общения иностранные заимствования (*блогер, jabroni* – т.е. неудачник), в том числе из области популярной психологии (*буллер, абьюзер, токсик*). Многие попытки подобрать синоним к слову «хейтер» демонстрируют достаточно богатый словарный запас участников опроса (*позёр, злопыхатель, неприятель, соперник, вредитель, инициатор, задира, невежа, хулиган* и т.д.).

В группе предметов собственно предметное значение отсутствует полностью, в основном это абстрактные существительные: *ненависть* (26), *зависть* (13), *злость* (11), *унижение* (6), *негатив* (5), *оскорбление* (5), *агрессия* (5), *травля* (3), *комплексы* (2), *страх* (2). Среди однократно встречающихся слов-реакций: *действие, пиар, копия, плесень, неприязнь, недостатки, антипопулярность, обсессия, критика, абсурд, неуважение, неприязнь, недоброжелание, неуверенность, пустота, неудовлетворенность, га-*

досье, внимание, любовь, угрозы, критика, самооценка. Основная масса слов-реакций, которые можно отнести к этой группе, обозначают эмоции (*ненависть, злость, страх*), в том числе и сложные социальные эмоции (*зависть*), а также стратегии и тактики общения и отношение к объекту хейтинга (*унижение, оскорбление, агрессия, травля, критика, неуважение, угрозы, неприязнь* и т.д.).

Признаки, ассоциирующиеся с хейтером: *неуверенный* (11), *злой* (10), *плохой* (7), *завистливый* (6), *обиженный* (6), *глупый* (6), *негативный* (3). Однократные упоминания включают в себя оценку поведения (*грубый, гнилой, чёрствый, никчемный, лживый, нездоровый, больной, жалкий, отрицательный*), объяснение скрытой причины поведения хейтера (*униженный, несогласный, закрытый, недолюбленный, несчастный, несостоявшийся, закомплексованный, разочарованный, преданный, жаждущий*), указания на характер его действий (*систематический, публичный, диванный*) и их импульсивно-компульсивный характер (*бессмысленный, неосознанный, неоправданный, необоснованный, безосновательный, неконструктивный*), указания на возможные последствия интернет-поведения в реальности (*опасный*).

Реакции-глаголы оказались весьма немногочисленны и сводятся к следующим реакциям: *ненавидеть* (8), *завидовать* (6), *писать* (4), *оскорблять* (3), *травить* (3), *не любить* (2), *не нравиться* (2), *пытаться* (2), *задеть* (2). Среди однократных реакций зафиксированы в основном указания на тактики и стратегии хейтинга (*провоцировать, заткнуть, надоедать, навязать, обзывать, выразить, терроризировать, самоутверждаться, распространять, унижать, осудить, презирать, выливать, обесценивать, буллить, придирается*), эмоциональное поведение (*злиться*) и его адекватность (*помешаться*).

Группы слов-реакций, которые можно отнести к месту действия (*комментарий* (4), *интернет* (3)) и образу действия (*легко, всегда, напрямую, плохо, скучно, с язвистой, всей сущностью*) также мало представлены.

5. Выводы

Полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента данные позволяют сделать вывод о сложившемся образе-стереотипе такого участника интернет-коммуникации, как хейтер: это *неуверенный в себе завистливый человек А, злой, плохой, не очень умный и не совсем психологически здоровый, который ненавидит человека Б (как правило, публичную личность) и завидует ему, так как желает человеку Б зла и видит в нем своего противника, и свою ненависть и зависть он выражает в интернет-комментариях, полных ненависти, зависти, агрессии и негатива, в основной своей массе необоснованных.*

У студенческой молодежи уже сформировалось однозначное негативное отношение к хейтингу. Исследованный материал позволяет утверждать, что хейтер как участник интернет-коммуникации не вызывает ассоциаций с какой-либо национальной принадлежностью, однако присутствуют определенные ассоциации с биологическим полом (скорее, мужской) и возрастом (школьник, молодой человек). В анкетах встречались указания на обилие у хейтера свободного времени и образ жизни, типичный для людей с определенным достатком.

В качестве перспективы исследования видится обособление видов киберагрессии и изучение в языковом сознании реципиентов стереотипных представлений об инициаторах таких видов киберагрессии, как флейминг, троллинг, кибербуллинг.

© Каменева В.А., Морозова И.С., Рабкина Н.В., 2022

Литература

Адамова З.Г. Моделирование автостереотипа «якуты» / «сахалар» на материале ассоциативного эксперимента // Вестник Якутского государственного университета. 2005. Т. 2. № 3. С. 88–94.

Андреев М.А., Ткач Е.Н. Кибербуллинг в подростковой среде // Физическая культура, спорт, безопасность жизнедеятельности: актуальные проблемы, достижения и перспективы: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 марта 2020 г. Хабаровск). Хабаровск: ТОГУ, 2020. С. 11–15.

Апресян В.Ю. ИмPLICITная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. междунар. конф. «Диалог 2003» (11–16 июня 2003 г. Протвино). М.: Наука, 2003. С. 32–35.

Арцер А.А., Маковецкая Е.Н. Кибербуллинг и хейтерство как новые типы агрессии в медийном пространстве // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации: мат.-лы всерос. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (21 апреля 2020 г. Омск). Омск: Омский филиал Финансового университета, 2020. С. 122–124.

Виноградова С.В., Федосеева Ю.А. Стёб как разновидность речевой агрессии в Интернете (на примере Интернет-энциклопедии «Луркоморье») // Русская речевая культура: теория и практика филологического образования в школе и вузе: сб. науч. ст. по мат.-лам Всерос. науч.-практ. конф. (30–31 марта 2017 г. Иваново). Иваново: ИвГУ, 2017. С. 196–201.

Горошко Е.И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 41 с.

Горошко Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 53–61.

Ефремов В.А. Граммар-наци: речевая агрессия и наивная лексикография // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 56–62, doi:10.15293/2226-3365.1505.05.

Жарникова А.В. Гендерные стереотипы в рекламном дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 2. С. 84–89, doi:10.18101/1994-0866-2016-2-84-89.

Зеркина Н.Н., Ломакина Е.А. К вопросу о языковой агрессии в интернет-пространстве // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: мат.-лы внутривуз. конф. (9–12 октября 2015 г. Магнитогорск). Магнитогорск: МГТУ, 2015. С. 219–224.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.

Косова О.А. Речевая / вербальная агрессия в интернет-коммуникации (на материале дискуссионных форумов о здоровье) // Язык: мультидисциплинарность научного знания / отв. ред. О.В. Трунова. Барнаул: АлтГПА, 2014. С. 49–55.

Монахова Л.Ю. Обучение противостоянию агрессивной коммуникации в киберпространстве // Человек и образование. 2019. № 1. С. 42–46.

Печенегова А.Л. Лексема «Хейтинг» в интернет-коммуникации (на материале школьного сообщества в социальной сети) // Актуальные проблемы лингвистики и ли-

тературоведения: сб. мат-лов VI (XX) Междунар. конф. молодых ученых. (18–19 апреля 2019 г. Томск). Томск: СТТ, 2020. С. 60–61.

Потанов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 103–131.

Пушкина Т.Ф., Резник Н.Д., Бессмельцев В.П. Кибербуллинг в системе общения «учитель – ученик» // Информационные технологии в образовательном процессе вуза и школы: мат-лы XV Всерос. науч.-практ. конф. (24 марта 2021 г. Воронеж). Воронеж: ВГПУ, 2021. С. 400–405.

Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации // Речевая агрессия в современной культуре / ред. М.В. Загидуллина. Челябинск: ЧелГУ, 2005. С. 32–41.

Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. Т. 3. № 3. С. 17–31, doi: 10.11621/npj.2019.0303.

Стексова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 77–81.

Таранова В.С. Троллинг как проблема киберсоциализации молодежи // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11–4. С. 133–135.

Тарасенко В.А., Красноперова Ю.В. Моделирование стереотипов «Россия», «Великобритания» и «США» на материале ассоциативного эксперимента // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 1. С. 87–99, doi:10.17150/2308-6203.2018.7(1).87-99.

Филенко А.С. Анализ видов агрессии в Интернете // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2019): сб. мат-лов Всерос. конф. молодых исследователей с междунар. участием. (10–13 декабря 2019 г. Москва). М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. С. 308–311.

Arango A., Pérez J., Poblete B. Hate speech detection is not as easy as you may think: A closer look at model validation // Proceedings of the 42nd International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval. New York: ACM, 2019. P. 45–54, doi:10.1145/3331184.3331262.

Bhuic A.M., Faulkner N., Jakubowicz A., McGarty C. Online networks of racial hate: A systematic review of 10 years of research on cyber-racism // Computers in Human Behavior. 2018. Vol. 87. P. 75–86, doi: 10.1016/j.chb.2018.05.026.

Brettschneider C. Value democracy as the basis for viewpoint neutrality: A theory of free speech and its implications for the state speech and limited public forum doctrines // Northwestern University Law Review. 2013. Vol. 107. N 2. P. 603–646.

Cameron D. Feminism and linguistic theory. New York: St. Martin's Press.

Grigg D.W. Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying // Australian Journal of Guidance and Counselling. 2010. Vol. 20. N 2. P. 143–156, doi:10.1375/ajgc.20.2.143.

Kilvington D. The virtual stages of hate: Using Goffman's work to conceptualise the motivations for online hate // Media, Culture & Society. 2021. Vol. 43, N 2. P. 256–272, doi:10.1177/0163443720972318.

Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago: Chicago University Press, 1987.

Lipton J.D. Combating Cyber-Victimization // Berkeley Technology Law Journal. 2011. Vol. 26. N 2. P. 1107–1116, doi:10.15779/Z384702.

Parti K., Kiss T., Koplányi G. Architecture of aggression in cyberspace. Testing cyber aggression in young adults in Hungary // *International Journal of Cybersecurity Intelligence & Cybercrime*. 2018. Vol. 1. N 1. P. 56–68, doi:10.52306/01010618QOSG3191.

Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils // *Journal of child psychology and psychiatry*. 2008. Vol. 49. N 4. P. 376–385, doi:10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x.

Tontodimamma A., Nissi E., Sarra A., Fontanella L. Thirty years of research into hate speech: topics of interest and their evolution // *Scientometrics*. 2021. Vol. 126. P. 157–179, doi:10.1007/s11192-020-03737-6.

Ybarra M.L., Mitchell K.J. Youth engaging in online harassment: Associations with caregiver-child relationships, internet use, and personal characteristics // *Journal of Adolescence*. 2004. Vol. 27. N 3. P. 319–336, doi:10.1016/j.adolescence.2004.03.007.

Ybarra M.L., Mitchell K.J. Prevalence and Frequency of Internet Harassment Instigation: Implications for Adolescent Health // *Journal of Adolescent Health*. 2007. Vol. 41. N 2. P. 189–195, doi:10.1016/j.jadohealth.2007.03.005.

Сведения об авторах:

Каменева Вероника Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета

Контактная информация

650000 г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет

ORCID 0000-0001-8146-9721

e-mail: Russia_science@mail.ru

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии развития Кемеровского государственного университета

Контактная информация

650000 г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет

ORCID 0000-0002-0862-7225

e-mail: ishmorozova@ya.ru

Рабкина Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики Кемеровского государственного университета

Контактная информация

650000 г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет

ORCID 0000-0002-6623-6679

e-mail: nrabkina@mail.ru

Для цитирования:

Каменева В.А., Морозова И.С., Рабкина Н.В. Хейтинг как вид киберагрессии. Стереотипный образ хейтера в языковом сознании российских студентов // *Вопросы психолингвистики* № 2(52) 2022, С. 132–144, doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-132-144

UDC 81'23

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-52-2-132-144

HATING AS A FORM OF CYBER AGGRESSION. STEREOTYPE IMAGE OF HATER IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN STUDENTS

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Irina S. Morozova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Nadezhda V. Rabkina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract

The paper features the phenomenon of hating as a type of aggression in cyber communication and the features that define it as a specific form of cyber aggression. The paper reviews the main domestic and foreign scientific publications on the issue of hating. The authors defined such understudied aspects of this phenomenon as racial hate and described the object of cyber aggression, haters' goals, hating triggers, etc. They also analyzed various interpretations of the concepts of hating and hater. The research objective was to correlate the content of the concept of hater and the stereotypical idea about it in the linguistic consciousness of Russian university students. The research was based on reactions obtained by a free associative experiment from 537 Russian students, who were asked to fill in an online questionnaire. The authors used the method of semantic analysis to divide the reactions into semantic groups and associative fields. The verbal reactions were also subjected to a semantic gestalt analysis. The study provided a model of the stereotypical image of a hater as seen by Russian students. The model takes into account the content, structure, and severity. The current image-stereotype of hater looks the following way: a hater is an insecure and envious person A, evil, bad, not very smart, and not quite psychologically healthy, who hates person B (as a rule, a public person) and envies them, wishes them evil, and sees them as an opponent, while expressing hatred and envy by means of Internet comments full of unreasonable hatred, envy, aggression, and negativity.

Keywords: cyber aggression, cyber communication, hating, modeling, associative experiment, linguistic consciousness, stereotype

© Kameneva V.A., Morozova I.S., Rabkina N.V., 2022

Bionotes:

Veronika A. Kameneva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Romance and Germanic Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Contact information:

650000, Russia, Kemerovo, 6, Krasnaya st.

ORCID 0000-0001-8146-9721

e-mail: Russia_science@mail.ru

Irina S. Morozova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Acmeology and Developmental Psychology, Director of the Institute of Education, Kemerovo State University

Contact information:

650000, Russia, Kemerovo, 6, Krasnaya st.

ORCID 0000-0002-0862-7225

e-mail: ishmorozova@ya.ru

Nadezhda V. Rabkina – Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Kemerovo State University

Contact information:

650000, Russia, Kemerovo, 6, Krasnaya st.

ORCID 0000-0002-6623-6679

e-mail: nrabkina@mail.ru

For citation:

Kameneva V.A., Morozova I.S., Rabkina N.V. (2022). Hating as a form of cyber aggression. Stereotype image of hater in the linguistic consciousness of Russian students. *Journal of Psycholinguistics*. 2(52), P. 132–144. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-52-2-132-144 (in Russian)